

Анна Удовикова

Буржуй

Повесть

18+

Анна Владимировна Удовикова

Буржуй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164257

SelfPub; 2020

Аннотация

Время и место описываемых событий – октябрь 1917 года, Петроград. Проснувшись поутру с тяжелой похмельной головой, пан Смальтышевский обнаруживает, что мир вокруг изменился, и нет возврата к старой жизни.

Глава 1. Октябрь 1917 года

Который день слух и душу терзали непрекращающиеся в городе беспорядки. Шумели, волнуясь, толпы митингующих. Ораторствовали – пламенно и косноязычно. Поодиночке и хором горланили революционные песни и отвратительно скабрзные частушки, от которых Евгений Осипович краснел как гимназист. Стенали и проклинали: то царя, то новую власть.

Постреливали, и не всегда для остратки. Иной раз, с осторожностью выглянув из-за узенькой щелочки в плотных занавесах, прочно обосновавшихся на окнах квартиры с октября месяца, пан Смальтышевский, против воли, с ужасом утыкался взглядом в страшное, красное, через несколько часов посмертно укрываемое саваном снега или смываемое дождем.

Теперь за окном разрезал вздернутые нервы женский визг, за которым, куражась и улюлюкая, гнались пьяные мужские голоса. Евгений Осипович, морщась в неприятном предчувствии, подошел к окну и, таясь за занавеской, выглянул на улицу. По безлюдной Дворянской, крича, бежала молодая женщина в распахнутом пальто с сорванным с одного плеча каракулевым воротником. Модная шляпка, слетевшая с растрепанной головы, беспомощно катилась прямо под ноги революционным матросам. Алые банты, распустившиеся в петлицах, торжественно вопили: «Ныне мы – закон!»

Рассеянно понаблюдав за происходящим, Евгений Осипович поднял голову и увидел все то же: ненавистное ему серое петроградское небо. Где-то далеко, в солнечных воспоминаниях, подул теплый морской бриз, праздничным галопом пронеслись широкие, вечнозеленые холмы, утыканные узкими кипарисами и аккуратными белыми домиками, и хор легких детских голосов тоненько пропел:

...Все бегут они на Запад,
Уплывает вдаль Неаполь...

«Бежать, бежать из проклятого города, – в который раз подумал он. – Тоска. Смерть».

Смальтышевский тщательно сомкнул занавески и, не обращая более внимания на крики за окном, углубился внутрь комнаты, погруженной в холодную, нетопленную предзимнюю темноту. Повалившись на диван прямо в ботинках и в неснимаемом ни днем, ни ночью и оттого слегка засалившемся пальто, он произнес вслух:

«Ничего. Уже скоро. Завтра».

Он давно мог бы рвануть за границу, спасая жизнь, но нищее, полуголодное существование в блестящей Европе несколько не привлекало его. Привыкшему к роскоши и хорошему обществу, пану Смальтышевскому требовались деньги – хотя бы на первые месяцы! – в течение которых он надеялся обрасти нужными связями и знакомствами.

Евгений Осипович не был оригинален, начиная восхождение к богатству. Имея приятную наружность, дарованную природной, и успешно обрамляя ее лоском светского человека, Смальтышевский пользовался большим успехом у дам бальзаковского возраста, благосклонно одаривающих его не только любовными объятиями. К несчастью, чувства женщин непредсказуемы и капризны, поэтому предусмотрительный пан, неожиданно для себя, обнаружил блестящие организаторские способности в деле ограбления богатых домов, именно тех, где удаивался части проводить время за карточным столом либо на ложе немолодых, но страстных любовниц.

В подробнейших планах, составленных им, были скрупулезно указаны места расположения тайников и ценностей, комнат хозяев и прислуги, а также подходящие время и пути отступления.

Работая с проверенными профессионалами, собственноручно выпестованными из мелких квартирных воришек, Евгений Осипович подолгу и вдумчиво готовил каждую операцию. В ночь перед предстоящим делом в его квартире, расположенной на 4 и 5 этажах в доме № 25 по улице Дворянской, собирались все члены шайки. Темными улочками и подворотнями, из разных концов города, словно шарики ртути, притянутые магнитом, они стекались к дому, быстро и незаметно прошмыгивали через черный ход и поднимались в квартиру. Снова и снова повторяли последовательность дей-

ствий, обговаривали малейшие нюансы и возможные варианты развития ситуаций. Евгений Осипович любил предусматривать любую мелочь. Не принимая непосредственного участия в грабежах, долю пан имел немалую и хранил ее прямо в квартире, в специально оборудованной для этих целей тайной комнате, служившей также секретным ходом на чердак, с которого, в свою очередь, имелся выход на спаянные друг с другом питерские крыши.

Первый опыт ограбления, имевший место около 7-ми лет назад в Риме, чуть было не окончился для Евгения Осиповича тюрьмой. Чересчур интимная дружба с пожилой итальянской герцогиней, щедро распахнувшей перед молодым повесой сердце, кошелек и палаццо в венецианском стиле, показалось тому достаточным основанием для бессрочного и тайного заимствования у сей особы банковских билетов на круглую сумму и нескольких драгоценных безделушек.

Избежать последствий удалось немедленным бегством; отныне Вечный Город был закрыт для Евгения Осиповича навсегда. Опасаясь преследования со стороны Фемиды, пан Смальтышевский обратил свою гладковыбритую, лоснящуюся польскую особу в заросшую округлой щеткой бороды постную физиономию и, изменив таким образом внешность почти до неузнаваемости, поехал искать счастья в медвежьем углу Европы – в России. Против ожиданий, он нашел местное общество вполне приличным. После одной-двух встреч в грязном петербургском притоне на Сенной Евгений

Осипович превратился в пана Костецкого с неистребимым польским акцентом и фальшивыми рекомендациями.

Завязав в Петербурге дружеские знакомства и нужные связи, Евгений Осипович сумел зарекомендовать себя хорошо воспитанным и в меру остроумным молодым человеком, благодаря чему регулярно получал приглашения на баккару в лучшие дома.

Нескончаемые карточные неудачи пан сносил смиренно, разводя руками с интеллигентной, несколько виноватой улыбкой, словно извиняясь за свой проигрыш. Еще более сконфуженным он выглядел, когда, виртуозно ведя партию к своему, казалось бы, провалу, он вдруг заканчивал ее, снимая изряднейший куш, искусно делая вид, что неожиданный его успех – всего лишь случайность. Партнеры, порядочно прохуdiv кошельки, снисходительно посмеивались над недо-тепой, которому наконец-то улыбнулась удача. Смальтышевский выслушивал шуточные, покровительственные поздравления и тихо рдел, как бы от смущения и незаслуженного удовольствия.

Вместе с тем Евгений Осипович был человеком осторож-ным и к подобным жульническим экзерсисам прибегал ред-ко, в случае крайней нужды, справедливо опасаясь подозр-ний в нечистой игре.

Да и то сказать: при разнообразных, но – увы! – нерегуляр-ных источниках доходов, имеющихя у Евгения Осиповича, денег катастрофически не хватало. Пан предпочитал жить на

широкую ногу: арендовал роскошный 3-этажный особняк на Невском проспекте, содержал личный экипаж и имел большой штат прислуги, включая французского повара, готовившего модно и невкусно.

Впрочем, от былого великолепия ничего, ровным счетом ничего не осталось. Пышный особняк в стиле «барокко» с подпирающими фасадные балконы кариатидами был изуродован и разграблен в дни беспорядков, с новой силой навалившихся на Петроград осенью 1917 года.

Мятежные ветры гнали на город мутные волны взбудораженных политическими идеями, и каждая следующая волна была разрушительней предыдущей. Точно врытая в землю тяжелая гранитная глыба, безучастная к овевающим ее ветрам и бьющей по гладким бокам стальной воде, город стоял недвижимо, пока, наконец, черная февральская вода, нахлынув, не подмыла под ним почву. Утратив устойчивость, он зашатался и к концу октября мучительно рухнул, похоронив под собой существующий порядок вещей и привычный жизненный уклад. Новый мир несся на всех парах, захватывая жизнь стремительно и беспощадно.

В историческую ночь, когда большевистский спрут, выбравшийся на поверхность, дерзко схватил Петроград за горло, Евгений Осипович, искрясь выпитым шампанским, вернулся домой поздно, почти под утро, и завалился спать. Проснувшись на следующий день, он обнаружил, что прислуга, включая французского повара, конюха и прощелы-

гу-управляющего, разбежалась, прихватив с собой все, что показалось ей ценным. Небольшая пачка денег, брошенная паном Смальтышевским накануне в незапертый секретер, как и следовало ожидать, исчезла.

Обливаясь тревожным похмельным потом, Евгений Осипович бросился к сейфу, безошибочно набрал сложную комбинацию и уставился внутрь. Из глубин сейфа, с тихим издевательским ржанием, в лицо ему неслась благоухающая кучка конских яблок, заботливо разложенная на клочке сена.

Евгений Осипович отшатнулся, как от удара, и, держась за стены и предметы обстановки, на подгибающихся ногах побрел в кабинет, где застал относительный порядок: неграмотная прислуга презирала книжную ученость. Упавши в кресла, пан протянул руку за книжную полку, не глядя достал оттуда початую бутылку бренди и крепко приложился к горлышку. Через некоторое время, потребовавшееся разоренному, но не сломленному карточному шулеру, грабителю и пройдохе на то, чтобы допить бренди и прийти в себя, он энергично встал, быстро оделся и, проверив документы на имя Смальтышевского, к счастью, оставшиеся при нем, навсегда покинул особняк.

Глава 2. Путь на Дворянскую

То, что произошло с паном в дальнейшем, начиная с того момента, как он закрыл за собой дверь особняка и заканчи-

вая тем, как упал перед парадной дома № 25 по улице Дворянской, помнилось ему неравномерно мелькающими клочками.

Итак, повернувшись лицом к улице, Евгений Осипович решительно воскликнул:

– На Дворянскую! – и оглянулся, выискивая взглядом свободного извозчика. Ни свободного, ни занятого в зоне видимости не обнаружилось, и Смальтышевский быстрым шагом направился в сторону Петроградской стороны, намереваясь сесть на «ваньку» по пути.

Поскальзываясь в вязкой уличной грязи, пан влился в светливую столичную сутолоку и торопливо лавировал между порхающими обрывками разговоров. Щебетали о новых фасонах платьев в «Пассаже»; солидно обнадеживались новейшим чудо-средством для ращения волос и бород; сдавленным шепотком летело неприличное слово «люэс», а вслед за ним веселее и громче – столовая.

Мальчишки-газетчики со всех сторон поливали толпу громким криком:

– Оскандалившийся на взятках генерал взят под арест! – неслось справа;

– Несравненная Теда Бара, женщина-вамп в фильме «Кровавая роза»! Спешите видеть! – слева;

– Надеть на большевиков железные намордники! – толкало в спину;

– Шаляпин в Мариинском! – слышалось на углу Думской.

Дразня и жая, новости назойливыми мухами кружились над публикой.

Невский проспект, по обыкновения, спешил по своим делам, не замечая ни холодного морозящего дождя, перемежающегося со снегом, ни угрожающе нацеливающихся на него примет времени: грузовых автомобилей с грозно выставленным наружу лесом винтовок и револьверов; разведенных посреди мостовых костров с вооруженными пикетами; обломков баррикад, наспех сооруженных и наспех же сдвинутых на обочины улиц; захлебывающихся речей агитаторов и скандирующих толп под разноцветными росчерками лозунгов; учащающихся грабежей, поджогов и погромов.

Лихо подмигивая, из подворотен и тюрем, солдатских окопов и конспиративных квартир, ночлежек и притонов уже вылезал Петроград новый: заросший лохматыми, овшивленными бородами; тифозный и надсадно кашляющий; в насквозь продуваемом грязном тряпье.

Скоро, скоро сгинет навеки сегодняшняя беззаботная толпа, и загудит темная людская сила, запляшет пьяно Петроград посреди разметавшихся мусорных куч, заплачет под веселую гармошку, задрожит, клацая зубами, под пламенные речи!

Равнодушно отмахиваясь от происходящего, толпа продолжала шествовать, словно это происходящее было не стоящей внимания нелепой случайностью, через которую легко перешагнуть размеренной поступью повседневности.

Задумавшись, пан не заметил, как дошел до Екатерининского канала. Отсюда было рукой подать до квартиры: миновать Марсово поле и перейти через Неву.

На всякий случай еще раз осмотревшись в поисках извозчика и не заметив вокруг никакого транспорта, кроме медленно ползущего переполненного электрического трамвая, Евгений Осипович завернул за угол и прямо в ухо ему громко крикнуло:

– Временное правительство низложено! Воззвание гражданам России!

– Дай-ка сюда, братец! – сказал пан и взял протянутый ему листок. Раскрыв его, он быстро пробежал глазами написанное и в конце, под возванием, увидел короткую странную подпись – то ли фамилию, то ли кличку, то ли еще что... не разберешь: «Ленин».

– А это кто такой, черт бы его побрал? – пробормотал пан и, нащупав в кармане единственную завалящую монетку, швырнул ее мальчишке и пошел дальше. Не успел он сделать нескольких шагов, как был вынужден остановиться.

Словно разбойничий шлагбаум, поваленный перед богатым обозом, путь Евгению Осиповичу перекрыла выставленная поперек хода красная, растрескавшаяся рука, сложенная «лодочкой».

– Подай, барин! – жалобно проныл гнусавый, булькающий голос. Смальтышевский взглянул в сторону просящего и увидел безногого калеку с синюшным, насквозь испытанным

лицом, вставленного в ящичек на деревянных колесах.

Брезгливо сморщившись от отвратительного запаха, исходящего от нищего, пан хотел было обойти протянутую руку, как, откуда ни возьмись, навстречу ему выпрыгнул улыбающийся просительно лохматый мужичок с копной свалывшейся бороды на грязном лице, одетый, несмотря на холод, в рваную холщовую рубаху на голое тело и босиком. Синие тихими, ясными, ласковыми глазами, мужичок кланялся и, указывая двумя руками на безногого, просительно тянул:

– Сжался над калекой, батюшка! Христом-Богом молим ты! Подай, батюшка!

Евгений Осипович, не глядя ни на инвалида, ни на ласкового мужичка, сделал еще один шаг в сторону, намереваясь обойти протянутую руку и вставшего у него на пути, но тут калека громко и страшно заклокотал:

– Подай, гнида! – и схватил пана за пальто грязной, заско-рузлой клешней.

Пан брезгливо дернулся – рука не отпустила. Зло вцепившись в полу пальто, инвалид катился за Смальтышевским, громыхая деревянными колесами о камень мостовой. Мужичок с копной – его синие глаза потемнели – кланяясь, семенил рядом с паном и, густо брызгая слюной, скороговоркой повторял:

– Подай, барин! Христом-Богом молим! Подай!

Терпение пана лопнуло. Широко размахнувшись рукой, одетой в блестящую черную лайковую перчатку, он изо всех

сил оттолкнул от себя безногого. Ящичек на колесах перевернулся, и оттуда, обмотанный в коричневые, гнилые тряпки, вылетел, взмахнув руками, точно птица, собирающаяся подняться в воздух, несчастный калека.

Глухо стукнувшись головой о мостовую, он упал под ноги расступившимся прохожим и с ненавистью прохрипел:

– Сволочь буржуйская!

Евгений Осипович попятился и бросился бежать. На секунду мелькнуло перед ним неласковое, искаженное яростью лицо со вздыбившейся вверх лохматой копной.

Лица и спины, мостовая, дома и небо в низких тучах бешеной каруселью кружилось перед Евгением Осиповичем, а сзади, едва пробиваясь через оглушительно пульсирующий в ушах ток крови, толкало:

– Бей буржуя!

К крикам «Бей буржуя!» немедленно присоединились другие:

– Долой буржуазию!

– Да здравствует монархия!

– Долой власть и капитализм!

– Анархия – мать порядка!

Смальтышевский посмотрел назад и с облегчением убедился, что за ним никто не бежит, а на месте недавнего инцидента собрался импровизированный митинг.

Пан перешел с бега на скорый шаг и повернул за угол. Схватившись за стену и отдышавшись, он было собрался

продолжить путь, но тут с ним случилось странное. Перед глазами поплыли смутные, дрожащие круги, какие бывают, если долго смотреть на солнце незащищенными глазами. Множась и прыгая, как резиновые мячики, они сталкивались и раскалывались на части.

Смальтышевский поднял руки и, будто жонглируя, принялся ловить раскатывающиеся и лопающиеся шары; глаза его были закрыты; вид был больной.

– Сударь, что с вами? – как будто издалека донесся до него участливый голос, и видения мигом испарились. Дико взглянув на спрашивающего и даже не разобрав, кто это был – мужчина ли, женщина ли, пан по-собачьи встряхнул головой и, налетая на прохожих и спотыкаясь, побрел дальше.

Перед Спасом-на-Крови Евгений Осипович, обычно чуждый религиозному порыву и, к тому же, веру исповедующий католическую, неожиданно остановился и, не понимая, что на него нашло, снял шляпу и истово и размашисто, по-православному перекрестился, поклонившись в пояс. Сразу после этого Смальтышевский перенесся на дрожки, причем вспомнить, как и где он поймал извозчика, решительно не представлялось возможным.

Подъехав к адресу, пан слез с дрожек и, находясь в какой-то сомнабулической рассеянности, двинулся к парадной.

– Эй, ваше благородие, извольте заплатить! – просипело ему вслед. Евгений Осипович равнодушно обернулся и толь-

ко сейчас вспомнил, что расплатиться ему нечем. Видимо, эта мысль явственно отразилась на его лице: извозчик нахмурился и, ни слова не говоря, с тяжелым крестьянским замахом, последовательно ударил пана сначала в глаз, потом в ухо и в довершение – напрямик в солнечное сплетение.

Падая, Евгений Осипович успел услышать тихое, ненавистное «Буржуй!» и вслед за этим наступила тишина, в которой безмолвно хохотали круглые веселые рожицы, задорно показывающие языки.

Глава 3. Скарабей

Хохочущие рожицы неожиданно и неприятно преобразившуюся в вечно похмельную и ленивую рожу старого Федора. Рожа моргала и испуганно вглядывалась в лицо Евгения Осиповича, лежащего на диване в вестибюле парадной.

– Уйди ты от меня, Федор, не дыши! – страдальчески простонал пан, руками пытаясь отстраниться от перегарного амбре, исходящего от старика. Продолжая осоловело моргать и причмокивая, Федор выпрямился. Посвежело.

Смальтышевский провел рукой по лицу и с облегчением убедился, что крови нет, но левый глаз уже отекал, наливаясь горячим, а правое ухо распирало изнутри, точно вулкан, готовящийся к извержению.

– Кто же это вас так, батюшко? – стараясь не дышать в сторону пана, участливо спросил Федор.

Евгений Осипович махнул рукой и, прикрыв глаза, вяло проговорил:

– Видишь, брат... Беспорядки на улице...

Помолчав, добавил:

– Пойдем домой.

Поднявшись в квартиру, пан почувствовал себя лучше. Он отослал Федора за дровами – было нетоплено, а сам, запершись на ключ, кинулся к тайнику, хитроумно спрятанному за большим книжным шкафом, частично встроенным в стену.

Покопавшись за плинтусом, Смальтышевский отодвинул щеколду, запирающую вход в тайник, с усилием потянул книжный шкаф на себя, и перед ним узкой черной полосой открылся ход.

Предыдущий жилец, собиратель живописных полотен начинающих художников, искусно спрятавший альков за книжным шкафом, использовал его для хранения картин, ценность которых, впрочем, была весьма сомнительна и вряд ли могла привлечь внимание воров. Спасая полотна от влаги петербургского климата, он приказал обшить хранилище широкой дубовой доской.

Наличие тайника стало для Евгения Осиповича решающим аргументом в пользу выбора квартиры. Лучше и придумать было нельзя, однако Смальтышевский придумал.

После непродолжительного вояжа по Новгородской губернии пан вернулся в Петербург не один, а с двумя масте-

ровыми. Мужики были темные, неграмотные, но дело свое знали хорошо. Из соображений предосторожности Евгений Осипович привез их к дому под ночь, в ненастье, когда нельзя было разглядеть ни зги.

За три дня, работая безвылазно, они произвели в квартире определенные изменения: вынули из низа стены тайника несколько слоев кирпича и, не без самоличного участия Евгения Осиповича, установили в образовавшейся нише секретный механизм для отведения стены в сторону. Кроме того, прорезали в потолке люк, открываемый как изнутри, так и снаружи – на чердак. Ко всему прочему, мастеровые переложили разболтавшийся паркет в спальней, о чем Смальтышевский и имел удовольствие сообщить домовладельцу.

Такой же ненастной ночью пан отправил мужиков на вокзал, а вернувшийся на следующий день из деревни Федор так ничего и не узнал.

Смальтышевский взял со стола свечу, зажег ее и протиснулся в образовавшийся между шкафом и стеной проход. Опустившись на колени у стены и поставив свечу на пол, он привычно отсчитал по нижнему ряду 6-ую доску от левого угла направо и надавил на нее. Точно танцовщица, доска развернулась вокруг оси – и нижняя часть стены мягко уплыла в сторону, явив пану тайник меньший, спрятавшийся в тайнике большем. Евгений Осипович осветил внутрь, и огонь свечи легкими разноцветными лепестками осыпал кирпичные стены ниши, отразившись от царственно возвышающей-

ся на постаменте расписной шкатулки.

Пан взял ее в руки и нежным пальцем провел по выпуклому, в виде солнца, замочку: светило ушло наверх, а вслед за ним, пустив золотую стрелу, равнодушно выплыл удлинённый янтарный глаз – и шкатулка открылась.

Зеркала зрачков пана расширились и озолотились, отразив пылающее в свете огня содержимое шкатулки. Стоя на коленях и сгорбившись, напоминая большую хищную птицу, любовно сложившую крылья над гнездом, он жадно созерцал разверзшиеся перед ним богатые россыпи и не мог оторваться от созерцания их.

Извивались, спутавшись в драгоценный сверкающий клубок, золотые змейки, подмигивающие сапфировым глазом; рубины – драгоценнее, чем сама кровь, возвышались над полукружиями серег; одетые в жемчужное кружево, выпукло переливались бриллианты.

Расправившись и порозовев лицом, он погрузил пальцы внутрь шкатулки и, ссыпая с ладони потоки искрящейся реки, извлек на свет Божий искусно выполненный талисман: толкающего солнце священного скарабея.

Пан погладил сапфировую спинку жука и прошептал: «Последнее дело – и уехать». Зашевелились лапки скарабея, зашекетали ладонь, и рассеялось настоящее, словно сметаемый ветром туман: опустел людьми и исчез ненавистный холодный Петроград. Обратились в прах гранитные набережные и рассыпались мосты; иссякли фонтаны и распались, по-

разившись проказой, нежные мраморные статуи в Летнем саду; рухнули дворцы и истлели скверы и мостовые; зашатались бронзовые памятники и, упав, погребли под собой имена; а если что и осталось, то ушло в зыбкую топь, втопанное бесконечным дождем, проросло деревьями, покрылось мхом.

Пропал город, и дом по улице Дворянской, и сам Евгений Осипович.

И стояло неподвижное солнце, зависшее над тонкой прерывистой цепочкой каравана верблюдов, качающих горбами и лениво плывущих под гортанные крики погонщиков; колыхались в адском мареве обожженные зноем и плетьюми спины тысяч рабов, копошащихся, точно муравьи, меж исполинских камней и в изнеможении валящихся умирать; разливались и спадали благоденственные воды великой реки, оставляя после себя цветущие земли, вскормленные густым, черным, плодородным илом.

Зачарованный виденьями, Смальтышевский утратил счет времени. Вопреки явно проявляющимся в нем преступным наклонностям, в глубине души пан был романтик, мечтатель и поэт – так, во всяком случае, он полагал, и ни за какие деньги не согласился бы расстаться с рассыпающим волшебные сны сапфировым скарабеем. И даст Бог, не расстанется!

Встряхнувшись, он выбрал несколько безделушек и бережно спрятал их во внутренний карман, поставил шкатулку на место и закрыл тайник.

После этого он встал, взял в руки свечу и, приподняв ее над головой, внимательно осмотрел потолок. По всей видимости, оставшись неудовлетворенным произведенным осмотром, пан выдвинул прислоненную к торцевой стене деревянную лестницу, расставил ей ноги и, взобравшись на высокую ступеньку, со всей возможной тщательностью исследовал люк, ведущий на чердак.

Убедившись в том, что люком давно не пользовались, он собрал лестницу, поставил ее обратно и покинул тайник.

Приободренный созерцанием принадлежащих ему, хотя бы и не по праву, богатств и окутанный переливающимся звоном маленьких невидимых колокольчиков, Смальтышевский отпер дверь, выглянул в прихожую и крикнул:

– Федор, иди сюда!

Присев к письменному столу, Евгений Осипович взял лист бумаги, коротко черкнул два-три слова и отдал послание Федору:

– Отнесешь в ателье готового платья, что за углом. Передашь, кому следует. Ответа не жди.

Старик кивнул и торопливо прошаркал к выходу.

Глава 4. Гость

Ближе к вечеру тихонько скрипнула дверь черного хода, открываемая изнутри торопливой дрожащей рукою, и осторожно впустила щеголевато одетого молодого человека

с черными, смышленными, бегающими глазами.

Пан встретил гостя прохладно, без суеты, оставшись лениво полулежать на излюбленной кушетке.

Сейчас же всунувшийся в приоткрытую дверь Федор внимательно посмотрел на Евгения Осиповича и, поймав его взгляд, с пониманием кивнул. Прошелестел быстрый ветерок – и в глубине квартиры послышалось звяканье посуды, сопровождавшееся двукратным и крайне торопливым бульканьем, льющимся то ли в огромную, страстно распахнутую глотку, то ли в жадно всасывающую воронку водопровода. Наконец, раздумываясь, молодежато сверкающий очами Федор внес в кабинет небольшой серебряный подносик, на котором важно расположился пузатенький графин с озорно плещущейся в нем водкой, и две очаровательно пританцовывающие хрустальные рюмки. Тут же, в глубоком голубом блюдечке, дремали, наивно выставив круглые деревенские бока, сдобные бублики. Евгений Осипович поморщился и отослал старика взмахом руки. Голова его все еще болела.

Щеголеватый молодой человек элегантно сел напротив пана, разлил водку по рюмкам и, не дожидаясь Евгения Осиповича, смотревшего неодобрительно и даже как-то брезгливо, выпил, держа рюмку за ножку и далеко оттопырив мизинец.

– Дело есть, – коротко сказал пан. Гость, носивший, кстати сказать, прозвище «Фрукт», имя же его было Евгению Осиповичу.

повичу неизвестно, – поставил пустую рюмку на стол и, сыграв выпуклым кадыком, манерно промокнул рукавом тонкие, красивые усики. Вальяжно откинув гибкое тело на спинку стула, он выжидающе приподнял широкие, несоразмерно большие дуги варварских, разбойничьих бровей и произнес:

– Итак-с?

– Подробности таковы. Знаком тебе дом купца Кокорина на Васильевском?

Фрукт коротко кивнул, глядя исподлобья, и его черные, блестящие, выпуклые глаза выкатились вперед.

– Во второй половине ноября, числу эдак к 20-му, купец возвращается из Архангельска, где у него большие рыбные промыслы, в Петроград, с большой суммой денег на руках, для совершения давно планируемой и решенной сделки – именно покупки здания Малого Гостиного двора.

Услышав о деньгах, тонкоусый оживился и заерзал на стуле. Рука его проворно поползла к графинчику, но, остановленная строгим взглядом пана, отпрыгнула и спряталась на узком бедре, в кармане брюк.

Смальтышевский невозмутимо продолжил:

– В пути деньги будут охраняться колоссально. Так что обольщаться нечем. Да и к тому же, грабеж на большой дороге – не наш профиль.

Гость Евгения Осиповича вздохнул и, уперев руки с расставленными в стороны локтями в колени, подался навстречу собеседнику.

– Главное – не упустить момент. Кокорин дел в долгий ящик не откладывает и, возможно, на следующий же после приезда день осуществит сделку. Поэтому... – голос Смальтышевского затвердел, а Фрукт придвинулся к нему еще ближе, – ...начиная с 15 числа, выставляй слежку у дома. Как только купец появится – мигом ко мне. Я буду наготове. Ясно?

Гость медленно и задумчиво улыбнулся, глядя сквозь Смальтышевского, и кивнул.

– Предупреждаю! – жестко хлестнул голосом пан, и глаза Фрукта немедленно вернулись в фокус. – Деньги Кокорин спрячет в таком месте, о котором не знает никто, даже его жена. – Евгений Осипович слегка слукавил, ибо жена как раз и знала. – Мне же удалось узнать о нем благодаря счастливой случайности... – «Если только можно назвать случайностью, тем более счастливой, связь с пожилой пышнотелой купчихой...» – мрачно додумал пан. При воспоминании об огромных, душных телесах купчихи пана передернуло, что не укрылось от смышленного взгляда тонкоусого, двусмысленно сверкнувшего золотой фиксой.

– В этот раз на дело я пойду с вами.

Нагловатое, развязное выражение слетело с лица щеголеватого, словно сдернутый ветром осенний лист, и он холодно, сквозь зубы, проговорил:

– Как скажешь, пан, как скажешь...

– И вот еще что, – Евгений Осипович достал из нагрудно-

го кармана горсть золотых безделушек и, положив на стол, придвинул их к Фрукту. – Отнесешь к Фролу, да поторгуйся.

Фрукт снова потянулся к графинчику; на этот раз Смальтышевский не возражал, и налил себе водки. Евгений Осипович не пил, и его рюмка по-прежнему стояла нетронутой. Гость произвел руками неуловимое движенье, и не успел пан глазом моргнуть – как ни водки, ни золота на столе не оказалось.

– И последнее. – Пан со значением посмотрел на тонкоусого. – В ближайшее время нам потребуются новые документы.

– Кому? – быстро переспросил гость.

– Нам.

– Нам? – Снова переспросил он.

– Поедем в Париж. – Евгений Осипович импровизировал на ходу. – Дело, которое я наметил, будет последним и самым крупным. Слышал про бриллиант Кохинора?

Фрукт мелко покивал, не сводя с пана выпуклых блестящих глаз.

– Обеспечим себя до конца дней. Поедем сразу после дела с Кокориным. Документы к тому времени должны быть готовы. Одному мне не справиться, нужен помощник. Мы давно работаем вместе, доверять друг другу можем вполне. – Евгений Осипович опять откровенно врал: он не доверял никому. – Согласен?

Фрукт снова затрясся, выражая пану полнейшее и безого-

ворочное согласие.

– Ну, что ж. Тогда решено.

Смальтышевский, наконец, взял рюмку, выпил и встал, давая понять, что разговор окончен.

Глава 5. Delirium tremens

За плотным оконным занавесом, отгородившем от мира жильца дома № 25 по улице Дворянской, темнело. К городу медленно подплывала ночь.

Нахохлившийся от холода и ноябрьской беспросветности Смальтышевский сидел на диване и, не зажигая света, оцепенело наблюдал, как комнату пожирает мрак.

Приходивший не более двух часов назад Фрукт поведал, поглядывая на пана искоса и задумчиво, что, не полагаясь на добросовестность исполнителей, регулярно ходил проверять пост, выставленный у дома Кокорина, благодаря чему свел удачное знакомство с кухонной девкой купца. Та под большим секретом шепнула, что Кокорина ждут к завтрашнему ужину, и что барыня – старая гримза, сурового мужа не любящая, стала еще злее, чем обычно, и жалит прислугу как турецкий скорпион. При этих словах Фрукт развязно подмигнул, и пан едва удержался от того, чтобы не шлепнуть его по хамской физиономии. Вместо этого он холодно отвернулся и спросил:

– Есть еще что?

– Да нет, пан.

– Значит, идем завтра ночью. Ты прийдешь ко мне человека сразу по приезду купца.

– Слушаю-с.

– Что насчет документов? Гляди, если не успеешь... На утро после дела нас с тобой здесь быть не должно.

– Завтра вечером, пан. На этот раз надежно, – убедительно сказал Фрукт, и в глубине его черных, выпуклых глаз сверкнула хитрая желтоватая искра.

«Итак, завтра, завтра... Последнее дело – и прощай... – вяло тек мыслью Евгений Осипович, зарываясь в норковый воротник пальто по самые уши. – Если не околею».

Ноябрьский холод саваном облепил Смальтышевского, сковав мысль, волю к жизни и самый ток крови, дрожащими иглами не тоньше волоса мучительно пробирался до костей, и не было ему никаких преград: ни стен, ни мехов, ни веселья, ни вина; только живой огонь мог победить его.

– Федор! – воспаленным голосом позвал пан, стараясь не шевелиться, чтобы не растерять крошек тепла, еще удерживаемых им. – Сходи в трактир, обед принеси! Да дров бы достал!

При слове «обед» воображение замерзшего Евгения Осиповича породило соблазнительную картину: покрасневший от кухонного жара, толстый повар в белоснежном колпаке – повелитель раскаленных плит, булькающих кастрюль и весело шипящих сковород огромным черпаком разливает

дымящуюся, подернутую янтарным жирком стерляжью уху.

Поманившее виденье было сколь явственно, столь мучительно: рот пана мгновенно наполнился слюной, и от невозможности сейчас же, сию секунду насладиться изысканнейшим вкусом и ароматом Смальтышевский тоскливо застоялся; однако Федор не откликнулся.

– Федор! – возвысил голос пан. – Да слышишь ли?

Вместо внятных человеческих слов до слуха Евгения Осиповича загадочным и необъяснимым феноменом донесся вдруг чудовищный, грозный рык, по-видимому, огромного, свирепого тигра, раздирающего добычу, а может быть, это был раскатистый, богатырский храп со смачными трелями и бойким молодецким посвистом? – нет, не поймешь. Впрочем, принять эти звуки за ответ было никак невозможно.

– Неужто опять пьян?! Федор! – раздражаясь, хрипло прокричал Смальтышевский и скосил глаза в сторону приоткрытой двери, ведущей в прихожую.

Ворчание усилилось, дополнившись глухим стуком рухнувшего наземь тела.

Горячая волна гнева поднялась в груди пана, бросила кровь к лицу и в момент снесла оцепенение.

Евгений Осипович выскочил в длинный коридор и в конце его, действительно, увидел пьяного – даже более, чем обычно – Федора, громко рычащего и плавно качающегося на растопыренных четвереньках.

– Сволочь! – в бешенстве выдавил пан, искривившись

ртом, быстро прошел в конец коридора и, не сдерживая себя, с жестоким удовольствием пнул старика в бок, присовокупив к удару непечатное ругательство.

Федор мощно всхрипнул и, перевернувшись в соответствии с направлением удара, повалился на спину. Широко, с привольностью раскинулся он посреди коридора, точно необъятная русская степь, счастливо улыбнулся и запел:

Как стемнет, приди, душенька,
Ко мне, парню молоденьку!
Пирожок мой с пылу, с жару,
Горячее самовару! Эх!

Лежа на полу, Федор энергично произвел несколько задорных плясовых движений, повернулся на бок, по-младенчески почмокал губами и, окутанный густонасыщенными, ядовитыми клубами перегара, безмятежно уснул.

Побледневший пан стоял не двигаясь. Мерзкая сцена, изображенная стариком, выбила его из колеи совершенно. В неприличную, вульгарную фигуру, заскорузло сложенную из трех пальцев, обратились трепетно лелеемые Евгением Осиповичем надежды провести нынешний вечер в нежно обнимающем жаре потрескивающего камина, с трактирным обедом под неторопливо, вдумчиво смакуемое доброе красное вино, среди проплывающих мимо далеких, пестрых, неаполитанских пейзажей на неизменно синем фоне. Ах, о какой

же малости мечтала его уставшая, издербавшаяся душа!

Евгений Осипович вздохнул и, в величайшем неудовольствии, пробормотал: «Придется идти самому...» Он перешагнул через старика и, оказавшись возле гардероба, потянулся было за шляпой и перчатками, но, сраженный внезапным приступом малодушия, остановился. Рука его безвольно упала, и сам Евгений Осипович, резко ослабев, опустился на широкую кожаную банкетку – последний оплот безопасности перед выходом в преисполненный враждебности, оскалившийся Петроград.

Множество хищных зверей рыскало теперь по темным, безлюдным улицам: украшенные бантами цвета крови, перевитые пулеметными лентами, они заглядывали в робко освещенные окна и – исподлобья – в глаза случайным прохожим. Страшно выходить. Страшно.

«Помилуйте, да и куда идти? – подумал вдруг Евгений Осипович. – Какие дрова посреди ночи? Какие трактиры? В них, слышно, что ни день, облавы да налеты. Может, и пес с ним, с обедом? Вино еще есть, а растопить, в конце концов, можно и стульями».

Ободрившись спасительной этой мыслью, он быстро вскочил с банкетки, без прежнего раздражения переступил через Федора и двинулся в направлении кабинета, чувствуя, как с каждым шагом на сердце становится легче и веселее, но неожиданно в дверь громко постучали.

Глава 6. Бегство из квартиры

Словно пораженный гневом небесным, Евгений Осипович окаменел, так и не донеся до полу правой ноги, застывшей над порогом в кабинет, и всем существом своим обратился в слух.

«А вдруг показалось?» – пробежала облегчительная мыслишка и не задержалась: стоящая за дверью тишина была особенная: опасная, капканом наизготовку. За дверью выжидали.

Не дыша, пан опасливо повел глаза вверх, к зажженной прямо над головой электрической лампочке, и с облегчением обнаружил, что ее мягкий, призрачный свет, спрятанный в матовом белом плафоне, слишком слаб, чтобы преодолеть протяженность коридора и просочиться сквозь дверные щели, а стало быть, не выдаст его.

Стук повторился.

Смальтышевский бесшумно поставил кошачью лапу на пол, плавно, точно искусный танцор, развернулся и легчайшими шагами прокрался к входной двери. Скрючившись вопросительным знаком, он сосредоточенно припал к замочной скважине и стал вслушиваться в происходящее на лестничной клетке; точно так же, с наружной стороны, припали и вслушивались незваные гости. Толкаемый изнутри шумным прибоем волнующегося сердца – тот, кому явившиеся из ночной тьмы отвели роль жертвы, рассуждал отрывисто и

бессвязно, перескакивая с одного на другое:

«Кто? Зачем? Будут ломать дверь? Уйдут? Скрыться через тайник. Ночь, дворянская грамота и драгоценности под мышкой. Как не вовремя... Если бы вышел, столкнулись бы на лестнице. Каналья Фрукт! Сидеть тихо, как мышь: решат, что никого нет дома».

– Никого нет дома! – прервал тишину резкий мужской голос, стукнув пана по барабанной перепонке, нацелившейся в замочную скважину. – В окнах темень, за дверью – глушь.

При этих словах Смальтышевский ощутил прилив необычайно легкости в теле и мысленно благословил говорящего, несмотря на то, что эхо его голоса все еще неприятно вибрировало в извилистом ушном лабиринте пана.

– Может, дверь сломать? – с сомнением протянул другой голос, ленивый и невыразительный. Евгений Осипович немедленно, с жаром и бесшумно, обругал тусклоголосого последними словами.

За дверью помолчали, раздумывая.

Пан, согретый и даже взмокший вследствие нервного напряжения, ждал. Наконец, благословленный обладатель голоса с основательностью откашлялся, сплюнул и рассудительно изрек:

– Неизвестно еще, есть тут что или нет... А в доме напротив – верно есть. Пойдем уже. – Вдохнул и добавил: – Жрать охота.

– По-ку-ра-жим-ся! – развязно, по слогам сказал второй. –

Курить будешь?

– Буду. – Черкнула спичка, и к чувствительному носу пана просочился гадкий дым дешевых папирос. – Сначала на окна глянем, мало ли что... Дай-ка список.

Послышалось шуршание, и до Евгения Осиповича донеслось:

– Нумер 16 по Дворянской. Квартира бывшего...

Узнать, кому принадлежит следующая по списку квартира, Смальтышевскому так и не довелось. Федор, до сего момента не подававший признаков жизни, неожиданно восстал из мертвых и, кряхтя и колеблясь в зыбких хмельных пучинах, попытался подняться на ноги. Время для этого было самым неподходящим, и пан быстро и бесшумно спикировал к старику с намерением зажать ему рот. Федор предвосхитил маневр пана и с удивительной для его возраста и состояния ловкостью отпрыгнул в сторону. Не разгибаясь, он встал напротив Евгения Осиповича, – при этом руки его производили странные движения, напоминающие ловлю невидимых насекомых, а глаза смотрели в пропасть, – и коварно хихикал.

На лестничной клетке резко замолчали, а затем невыразительный голос произнес:

– Кажись, там кто-то есть...

Услышав сказанное за дверью, Федор перестал хихикать, по необъяснимой причине стремительно переменялся в лице, перейдя от глупого лукавства к величественно-самодер-

жавной подозрительности, приобретя тем самым пугающее и неуловимое сходство с Иваном Грозным, и без единого звука, в полнейшей тишине бросился на пана.

То ли выпитая водка умножила его силы, то ли сыграл приступ белой горячки, но старик сделался вдруг необычайно силен. Натурально озверев, он по-медвежьи ухватил застигнутого врасплох, сублильного Смальтышевского, подмял его под себя и принялся душить.

Лицо безумца с хлопьями густой белой темы, собравшейся в уголках рта и плавно, точно белые парашюты одуванчиков, разлетающиеся в стороны при каждом выдохе, висело над Евгением Осиповичем. Разросшись, в конце концов до невероятных размеров, оно застило собой весь белый свет.

Медленно покидающее пана сознание еще успело зафиксировать раздающийся на всю квартиру адский грохот от ударов ногами по входной двери и тот факт, что руки Федора вдруг оставили его измученную шею. Балансируя на самом краю пустоты, он смутно расслышал щелчок отпиремого изнутри замка, злое матерное слово и чей-то болезненный вскрик, после чего реальность, наконец, перестала тревожить Смальтышевского.

Сколько времени Евгений Осипович пробыл без сознания, осталось неизвестным, однако в тот момент, когда он, выброшенный, точно пробка, на поверхность бытия, вновь ощутил в себе биение жизни, проявляющееся, главным образом, бешеной каруселью и свистопляской в организме, то

обнаружил, что вместо обезумевшей белогорячечной головы Федора над ним склонилась иная, совершенно незнакомая и, надо сказать, крайне несимпатичная.

Девственно лысый, гладкий череп головы переходил в неопределенные, точно слепленные из подтаявшего пластилина неумелой рукой ребенка, вялые черты. Цвет кожи, как показалось кружащемуся в неверном свете электрического плафона Смальтышевскому, был зеленовато-землистый, порождая ассоциации с дождевым червем. Голова усмехалась и плыла при этом то влево, то вправо.

– Очнулся? Сейчас поговорим! – размазанным, точно жидкая каша по тарелке, голосом пообещала голова.

Пан тут же вспомнил произнесенное невыразительным голосом страшное «по-ку-ра-жим-ся» и немедленно закрыл глаза, ожидая, что жуткая голова рассосется.

Впрочем, голова не только не рассосалась, но обнаружила деятельное существование других частей тела. Через мгновение после того, как Евгений Осипович попытался спрятаться в темноту глазниц, она, во-первых, произнесла:

– Будешь мучиться! – а во-вторых, несомненно, принадлежащей ей твердой деревяшкой руки схватила пана за кадык и сжала его.

В глазах бедного Евгения Осиповича, еще не пришедшего в себя после удушения, поплыли расширяющиеся круги, и мучительная боль изогнула спину и скрючила пальцы, но в эту минуту – о, спасение! – в кабинете оглушающе грохнул

выстрел, а вслед за ним – подряд, без пауз – еще два или три, кубарем смешавшиеся с топотом скачущих ног, треском рушащейся мебели, звоном разбитого стекла и, в конце, воплем, уносящимся сквозь пространство.

Рука, терзавшая кадык, соскочила с горла, метнувшись на шум, и властный, всепобеждающий инстинкт громко крикнул пану: «Беги! Сейчас!» Он кое-как поднялся и, продвигаясь по наклонной плоскости пола мягкими ватными шагами, путаясь в лабиринте стен коридора, отыскал дверь, по счастью, оказавшуюся открытой, и вывалился в нее непослушным, разобщенным в движениях телом.

«Выберусь на улицу – уйду подворотнями», – как заклинание повторял про себя Евгений Осипович. Он отчаянно уцепился за стрелу перил, мчащуюся к спасению, и на заплетающихся ногах, сразу через несколько ступеней бросался вниз, вальсируя в шатких лестничных пролетах.

Голоса преследователей догнали пана, когда он задыхающейся, кашляющей грудью падал на дверь парадной, выталкивая ее наружу. В пальто нараспашку, по черному, утоптанному грязью снегу, пан бежал меж домов хорошо известными ему путями, слава Богу, заранее выверенными на случай преследования полиции, и где-то далеко за ним люто метался удаляющийся крик.

Завернув в пустоту слепого арочного пролета, Евгений Осипович остановился и, обессиленно прислонившись к стене, сполз по ней вниз, на корточки. Приступ кашля, подавля-

емый им, убегающим, наконец, прорвался, разрывая легкие, выворачивая наизнанку нутро, но сквозь бьющуюся в груди боль неторопливо, солнечно выплывало главное: «Спасен!»

Глава 7. Погребение Федора

Дом стоял темен и глух, в разорванных, потухших гирляндах оконных рядов, одиночно тлея приглушенными, настороженными огнями. Фасадной стороной дом равнодушно, сверху вниз, поглядывал на недавно выстроенный в тиле «модерн» особняк – прощальный «привет» бывшей возлюбленной от царственного покровителя; ныне же беззастенчиво занятый новыми хозяевами жизни – большевиками. За разорившимся особняком мозаично голубел, отражая лунный свет, круглый купол мечети.

Левее, за изгибом Кронверкского пролива, через который неторопливо ковылял на деревянных опорах Иоанновский мост, острым шпилем протыкал небо Петропавловский собор. Другая сторона дома, «изнаночная», задумчиво глядела на широкую, стальную ленту Невы, за которой, таинственный и прекрасный, волновался, изящно размахивая ветвями, Летний сад.

Под «изнаночной» стеной, в тусклых россыпях разбитого стекла, ясно выделялся лежащий человеческий силуэт, слегка припорошенный белым. Развалившись на пути у двух крадущихся под покровом ночи прохожих, из которых один

был одет в солдатскую шинель, а другой – в черный бушлат и брюки с широченными раструбами, человек был покоен. Лунный свет бродил по его застывшим, заострившимся чертам и отсвечивал в глазах, пусто устремленных вверх, в звезды.

Дойдя до чернеющей на снегу груди тела, прохожие остановились, переглянулись. Без слов ухватили покойного за руки и за ноги и небрежно, так, словно это было не человеческое тело, а ненужная, притом вызывающая брезгливость, вещь, затолкали его в провал раскрытого настежь дворницкого помещения, разграбленного и пустующего по случаю внезапного и необъяснимого исчезновения дворника.

Постояли. Переглянулись. Один из прохожих – тот, что был в бушлате, отрицательно покачал головой, после чего другой, в шинели, торопливо затих шагами в гулкой пустоте черного хода. Скоро он, запыхавшись, вернулся, обнимая охапкой большой, неряшливо волочащийся одним концом по земле, тряпичный ком.

Неслучайные прохожие быстро разложили на утоптанном снегу прямоугольник материи и зашвырнули в центр его извлеченное из дворницкой окостеневающее тело. Крепко связав узлом диагональные концы материи – крест-накрест и получив, таким образом, тюк с мертвецом внутри, они подхватились и рывками, останавливаясь в укромных местах для коротких, опасливых передышек, преодолели небольшое расстояние, отделяющее их от укрывающих тайны вод.

Наконец, волокущие тюк приблизились к набережной и, прошмыгнув мимо свирепых каменных львов, очутились на обледенелой площадке, от которой ступени спускались вниз, уходя под воду.

«По-морскому?» – вяло прожевал тот, что был в бушлате. В ответ на это человек в шинели жизнелюбиво хохотнул и сильным ударом ноги столкнул тюк с мертвецом в молчаливую глубину волн.

Глава 8. Метаморфоз

В то время, когда покойного Федора волокли в тюке, и скомканное тело его билось о камни, цеплялось за пустые, хлесткие кусты и, в довершение надругательства, было выброшено пинком в Неву, Евгений Осипович шарил по дну двора-колодца в поисках надежного укрытия.

Поместившись в глубине двора, на ступеньках одной из хозяйственных построек, под широким козырьком, он сидел, распахнувшись, устало и освобожденно испаряя наружу влажное тепло, и ничто не занимало его более, чем вальсирующие снежинки на фоне куса черного неба, видневшегося между козырьком и стенами дома, обступившими его.

Впрочем, снежинки увлекали Евгения Осиповича недолго, ровно до тех пор, пока он, столь неосмотрительно разбросавший жар тела, не почувствовал, что пот, только что струившийся горячим по спине, шее, лицу, вдруг остыл, обвив

его ледяными извилистыми ветвями. Лихорадочный приступ озноба, порожденный не столько холодом, сколько болезнью, громко заклацал зубами пана, сотрясая его крупной дрожью.

Теперь не отдаленные перспективы тревожили Смальтешевского, ибо они-то как раз вырисовывались правдиво и ярко, в наимельчайших узорах, проступающих в сиянии сапфировой спинки египетского жука. Пан знал: сначала Неаполь: отогреться, разнежиться телом и душой, мечтать; затем – Египет, могуче влекущий с того момента, как попал ему в руки древний амулет. Ближайшая же перспектива выдвинулась, усмехаясь зловеще: околеть ему в эту ночь от холода, бездомному и больному, если только он немедленно не найдет места для ночлега.

Ход на квартиру был закрыт. Даже если эти страшные двое и ушли, – особенно пугал тонкокостного, изящного Евгения Осиповича тот, невыразительный, что чуть не вырвал ему кадык, – они наверняка вернутся. Скорее же всего, они никуда не ушли. Главным, однако, было не это, а то, что требовалось первоочередно решить, как поступить. Если забрать драгоценности без промедления, спустившись к тайнику из чердака, то каким образом он, отягощенный двойным риском – попасться в руки закона и при этом лишиться содержимого шкатулки, а главное – синего скарабея, – пойдет завтра ночью грабить купца? Если же золото сегодня не забирать, то ушлые гости найдут тайник непременно. Будут

искать – и найдут. Нюх у них есть, это чувствовалось сразу: жестокий, холодный, крокодилий нюх. Нет, оставлять шка-тулку в тайнике было опасно, опасно, да. Но и идти с ней на дело никак нельзя.

Остается одно, с облегчением решил Смальтышевский: не рисковать тем малым, что есть. Тут Евгений Осипович по-жадничал, так утверждая: денег от продажи драгоценностей, имеющихся в шкатулке, хватило бы на два, а то и три месяца безбедной, – да что там говорить! – роскошной жизни в пропитанном соленым солнцем Неаполе.

Значит, надо доставать шкатулку как можно скорее, обматывать золото в пояс, а утром, не оставаясь в Петрограде ни одной лишней минуты, уезжать.

Утвердившись в задуманном, Смальтышевский встал и, озираясь и крадучись так же, как это делали утопившие труп старика, переулками и перебежками, сотрясаясь в ознобе и в приглушенном кашле, вернулся на Дворянскую. Не доходя до дома № 25, он свернул на перпендикулярную улочку и разбойничьим манером, по-волчьи сверкая в темноте орбитами глаз, заскочил в ближайшую подворотню. Толчком руки по двойной раме окна с подпиленным шпингалетом настежь открыл низкое полуподвальное окно. Одним ловким движением перекинулся внутрь. Аккуратно закрыл за собой раму и бесшумно, в тусклом свете электрической лампочки, вплотную к перилам и подальше от гремучих ведер, баков, горшков и всевозможного хлама, загромождающего черную

лестницу, двинулся по ступеням вверх.

Вслепую, наощупь, по грязным чердакам скользким кровлям, был увлекаем не внемлющий грозным предостережениям судьбы Евгений Осипович навстречу бесславному, неромантическому концу.

Из последних сил, в призрачном лунном свете совершив удачный прыжок с крыши на крышу, пан, наконец, очутился перед неприметной, если не знать о ее существовании, дверцей. С хриплым вздохом распахнув ее, он мимолетно удивился тому что в раскрывшейся перед ним черной глубине чердака будто бы метнулась далекая искра, похожая на вспышку, прочертив мгновенную, сложную траекторию, в которой угадывались очертания креста, но не придал этому значения.

«Вероятно, начались галлюцинации», – думал он и шел к тайнику, чувствуя, как горячая, загустевшая кровь – тяжелая, словно расплавленные камни, болезненно билась в теле, голове, расплывалась в глазах бардовыми, мясистыми кругами. В плавающих кругах этих рос, все приближаясь, странный, в несогласующихся между собой деталях, хлипкий человечешко. На голове его задом наперед, криво сидела плешивая меховая шапка; плечи были укутаны цветастым ковриком, заменяющим пальто и скрепленным веревкой; голые, тощие, куриные бедра выскальзывали из-под коврика при каждом шаге. Одна нога была обута в сношенный до предела ярко-рыжий ботинок, другая – в драный сапог, из которого

торчали грязные, извивающиеся пальцы.

В когтистых руках фантастический, ясно сумасшедший субъект держал: слева – жестяную банку и толстую кисть, справа – горящую, оплавленную церковную свечу. Губы, непрерывно бормочущие, как показалось Евгению Осиповичу, молитву, и кудрявый, беловолосый подбородок были плотно вымазаны белым. «Каких только видений не исторгнет воспаленный организм!» – спокойно и даже с некоторой долей юмора удивился Смальтышевский, несколько не пугаясь, ибо стоит ли бояться того, чего на самом деле, в реальности, не существует?

Несуществующий человечешко между тем шел навстречу Смальтышевскому с любопытством ожидающему, чем же разрешится галлюцинация. Перекинув жестянку в руку со свечей поравнявшийся с паном, ни слова не говоря, густо обмакнул кисть в банку, после чего сотворил ею в воздухе размашистый крест, как это делает священник, благословляющий паству.

Как ни было плохо несчастному Евгению Осиповичу, он резко отпрянул от жирной, белой, брызгающей струи, но спасти пальто ему не удалось, и вид оно приобрело совершенно непотребный. Хлипкий субъект расценил жест пана неблагоприятно для последнего: нахмурил брови, отчего шапка окончательно съехала ему на нос, и сердито, в голос, сливая слова, забормотал на латыни. Страстно и невнятно произносимые им слова невозможно было отделить друг от

друга и, как обессиленный пан ни пытался, единственным понятным обрывком фразы высветился «transitus ad vitam aeternum» («переход к жизни вечной»).

Смальтышевский, уже не выбирая между бредом и явью, все же решил не связываться с безумцем, существует он или нет, и бочком, бочком в узком проходе обогнул стоящего у него на пути. Тихо, обессиленно побрел он к тайнику, до которого оставалось не более десятка шагов, чтобы, дождавшись тусклого утреннего света и одиночества, извлечь из него шкатулку, но что-то вдруг побудило его остановиться и осторожно повернуть голову назад. В последние мгновенья жизни Евгений Осипович увидел шарящего рукой по полу, наклонившегося безумца, а затем несущийся к голове кирпич.

Сумасшедший деловито посветил на лежащего у его ног человека с разбитым затылком, возбужденным движением обтер выпачканную кровью руку о коврик, колыхающийся на боках и, придвинув банку с кистью, пристроился рядом с ним. Задумчиво поглядывая на собственноручно разложенный рядом *nature morte*, человечешко вдохновенно взмахнул кистью и скупыми, одиночными линиями изобразил на стене схематичную голову с глубокой, раскалывающей затылок трещиной, с вывалившимся наружу языком.

Начертав над кошмарным рисунком письма, он удовлетворенно заворчал, переводя взгляд с природы на изображение и обратно, после чего, взяв в руки пожитки, удалился

восвояси.

Оставшиеся во тьме расколотые головы пусто глядели друг на друга, а над ними триумфально загибались летящие вверх слова:

Долой буржуазию!

Да здравствует красный террор!

Глава 9. Смерть Фрукта

Алчная, воровская натура не давала Фрукту ни минуты покоя, вторую ночь подряд не смыкавшему глаз. Словно уж на горячей сковороде вертелся он на сонном, мягком тесте податливого тела кухонной девки Кокорина – Власьки, а в голове его нескончаемым прибоем шумели наплывающие одна за другой беспокойные мысли. Самой волнующей была мысль о заграничном воровском вояже, предложенном паном Смальтышевским. Стоило об этом подумать, как тут же мутной волной поднималось пугливо нашептываемое опытом соображение о том, что самые заманчивые и грандиозные обещания, в лучшем случае, проваливаются в воронку пустоты, в худшем же служат приманкой, искусно спрятанной в петле.

Безусловно странным на этом фоне выглядело намерение пана участвовать в ограблении купца лично, не ограничиваясь, как обычно, теоретическим руководством. Намерение

это могло быть обусловлено двумя причинами: недоверием и желанием разорвать деловые отношения с Фруктом. Историю же с Кохинором поляк осторожный как лисица, придумал для отвода глаз. Двойная игра Смальтышевского беспокоила темноглазого, узкого красавца: чудился ему за всем этим нож, всаженный в спину; однако отказаться от денег купца было выше его сил.

Не закончив начатого, Фрукт пружинисто выдернулся вверх, быстро скатился с узкой кровати – девка только охнула, – и, облачившись, выскочил из теплой комнатухи вон. Несмотря на полученные из влажных девичьих уст уверения о времени прибытия Кокорина – ожидали его к завтрашнему обеду, затевая обильный, праздничный стол, – чутье повлекло его к дому купца: проверить, не вернулся ли тот раньше срока.

Подскочив на извозчике к кабаку, треснувшими витринами глядящему на Кокоринский особняк, Фрукт обомлел: в глухой ночи купеческие окна полыхали яркой иллюминацией; ворота были распахнуты; во дворе шумело, стучало, перекрикивались сонные голоса. Надо всем этим жирно властвовал здоровый, зычный окрик: «Эй, Митька! Лошадям корму задай! Да не пои, пока не остынут! Слышишь, дурень?!»

«Приехал, купчина вяленая! – выдохнул Фрукт. – Фарт канает!» Тот факт, что он не прозевал приезд Кокорина, показался ему знаком благоприятным. Тревога, остро зудящая

в спине, между лопаток, отступила. Он извлек из-за пазухи краденые золотые часы, усыпанные бриллиантовой крошкой, и уставился в циферблат. Часы показывали ровно полночь. Фрукт азартно прищелкнул языком и галопом спустился в полуподвал заведения, где располагался воровской наблюдательный пост.

Человека по имени Мартьян, поставленного, а вернее сказать, посаженного на еженощное наблюдение в кабаке, в самый угол зала, возле окна, откуда наилучшим образом открывался обзор на Кокоринский дом, – на месте не было. Мартьяновский стол занимала разбитная компания, состоящая из двух развязно хохочущих девиц самого скандального вида, впрочем, симпатичных, и веселого бородача, маслянисто разложившего руки по женским плечам и грудям.

Фрукт чертыхнулся и выбежал на улицу. Ворота купеческого особняка к этому времени закрылись, шум во дворе стих, прерываясь отдельными, случайными звуками: лошадиным ржанием, стуком дверей, приглушенным словом. Часть окон погасла, оставаясь гореть лишь в той части дома, где, по словам Власьки, располагались столовая и кухня, да еще в хозяйской спальне слабо тлел ночник. Отсутствие Мартьяна нисколько не омрачило радостного воровского предчувствия Фрукта: он орлом уселся на извозчика, сторожащего подвыпивших кабацких гуляк, и по опустевшим ночным улицам помчался на Петроградскую.

Времени было в обрез. Фрукт подгонял молчаливого бо-

родатого возницу, суля награду, и считал: в полпервого он у пана; час уйдет на обсуждение обстоятельств и деталей предстоящего дела и к двум, самое позднее – к половине третьего, – глухое, мертвое время, – они будут у дома купца.

Как всегда, в предвкушении риска Фрукт ощущал сильнейшее возбуждение: руки его суетливо ощупывали одну другую натягивая узкие невидимые перчатки; ноги резво перекатывались с пятки на носок; голова по-черепаши ныряла в плечи. Уже перед самым поворотом на Дворянскую в этой то и дело ныряющей голове весело кувыркнулась мысль о том, что экспромт с лошадиным навозом, в последний момент подsunутым в сейф вместо банкнот, был очарователен, и для вероломного поляка следовало бы устроить еще один – прощальный! – фокус.

Когда возница остановил лошадь и обернулся, чтобы получить причитающееся, хмурое лицо его разгладилось от удивления: странный пассажир всхлипывал и сгибался пополам, рукой с зажатыми в ней деньгами вытягиваясь вперед, и сверкал золотым зубом судорожно распахнутый в смех рот. Возница недоуменно пожал плечами, с осторожностью вынул деньги из колеблющейся руки и, дождавшись, когда припадочный тип покинет пролетку, поспешно укатил.

Оставшийся на обочине Фрукт привычно поднял глаза на окна поляка и захлебнулся смехом. Второй раз за ночь его встретила неожиданность, причем неожиданность, как это ни странно, повторилась: цепочка окон Смальтышевско-

го лила яркий свет в черноту ночи. «однако странно...» – подумал Фрукт и зашел во двор, чтобы, по обыкновению, секретно подняться в квартиру по черному ходу. Пробравшись по заставленной и до предела загаженной лестнице на 5 этаж, он приготовился стучать условным стуком, а затем долго ждать, когда вечно пьяный старик впустит его, но обнаружил тончайшую полоску света, вертикально разрезающую пространство: входная дверь не была заперта. Несколько минут Фрукт настороженно прислушивался, но изнутри не доносилось ни звука. «Пан или пропал!» – шепотом сказал он и, решив действовать в соответствии с открывающимися обстоятельствами, резко дернул на себя дверь.

В квартире царил ужасающий беспорядок, что здесь произошло: обыск, разгром или преступление, Фрукт определить не смог.

– Пан! – позвал он, и тишина, точно склеп, обволокла и поглотила звук голоса. Он тихо прошел по коридору, заглядывая в комнаты. Кровать в спальней стыдливо белела кружевом переворошенного постельного белья, на подушке глумливо выделялся отчетливый след сапога.

– Нашли чего или нет? – с тревогой пробормотал Фрукт и направился в кабинет. Когда-то давно Федор, будучи весьма подшофе – спойл его сам Фрукт, – рассказывал, что будто бы пан прячет где-то в полу кабинета деньги, и что он своими глазами видел, как тот, запершись на ключ, поднимал ковер и, сядя на корточки, шарил по доскам паркета.

Сопя, Фрукт откинул в сторону угол ковра, опустил-ся на колени и принялся внимательно разглядывать плотную «елочку» половиц, одновременно пытаюсь расшатать их пальцами. Он так увлекся, что, забыв об осторожности, тихонько засвистел себе под нос – за эту привычку пан неоднократно порицал его, – и, натурально, не заметил выросшей над ним фигуры в матросском бушлате.

– Что ищешь, милоч? – прошелестела фигура, и от этого тихого, сухого шелеста мурашки побежали по спине Фрукта. Он поднял голову и увидел над собой человека с лысой головой и лишенным всякого выражения неживым лицом.

Застигнутый врасплох, Фрукт не нашелся, что ответить, и беззвучно замотал головой.

– Вяжи его, Орленок! – прошуршал голос, и в этот момент за спиной безволосого возник другой – в длинной шинели, сверкающий румянцем, солдат.

– Встать! – по-военному гаркнул солдат.

Придав лицу испуганно-покорное выражение, Фрукт неловкими, заторможенными движениями принялся подниматься с колен. Двое смотрели на него: один, в шинели – насмешливо и брезгливо, другой, в бушлате – глазами голодными, помутнившимися.

Фрукт обманно пошатнулся правой рукой сделал отвлекающий пасс перед носом лысого, левой же ухватил его за ногу и рванул на себя, в то же мгновение вонзив в живот падающему выхваченный из голенища сапога узко заточен-

ный стилет. Стоящий за безволосым успел сдернуть с плеча винтовку и передергивал затвор, когда Фрукт отточенным, холодным, вспарывающим движением, обнажившим месиво кишок, выдрал стилет из тела матроса и метнул солдату в грудь. Солдат охнул и повалился вперед, поперек матроса.

Фрукт, наконец, встал на ноги и, словно в невесомости, двинулся к выходу, чувствуя невыносимый зуд между лопаток. Оставшийся лежать на полу безволосый, не моргая, смотрел ему в спину и из последних сил жал на курок.

Загадочное и кровавое тройное убийство, мертвец на чердаке и страшные бурые пятна под окнами на долгое время отвадили желающих селиться в жуткой квартире. Она простояла совершенно пустой, несмотря на острый жилищный кризис, месяца три, а потом все забылось, свидетели страшного преступления – кто уехал, кого арестовали, и квартира постепенно заполнилась новыми жильцами. В бывший кабинет пана въехала юная рабфаковка, скромная девушка по имени Аглая.